

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 553

Дата поступления: 15.08.2022
рецензирования: 20.09.2022
принятия: 28.11.2022

«Нефтеразведки Волжского района должны будут остановиться на полпути» (О горном инженере Н.С. Обуховском, возглавлявшем их)

В.Н. Курятников

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kurjatnikov_w@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-4415>

Ю.В. Евдошенко

ЗАО «Изд-во “Нефтяное хозяйство”», г. Москва, Российская Федерация
E-mail: editor3@oil-industry.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6808-216X>

Аннотация: Статья посвящена жизни и судьбе незаслуженно забытого горного инженера Николая Степановича Обуховского, репрессированного в 30-е гг. XX столетия, и раскрытию деятельности Волжских нефтеразведок, управление которых он возглавлял в 1919–1924 гг. Потеря основных нефтедобывающих районов России в годы Гражданской войны, разразившийся топливный кризис поставили на повестку дня поиск нефти в других районах, в том числе в Поволжье, где до революции уже велось разведочное бурение. В результате было создано Управление Волжских нефтеразведок и положено начало разведочным работам на нефть. Задачи исследования – восстановить жизненный путь горного инженера Н.С. Обуховского, раскрыть основные направления его руководства Волжскими нефтеразведками и публицистической деятельности, направленной на заострение внимания к теме волжской нефти. Также авторы выясняют и анализируют особенности и основные направления деятельности нефтепромыслов в экстремальных условиях голода, хронической нехватки финансов и материально-технических ресурсов, кадрового голода. В статье доказывается, что срыв геолого-разведочных работ на нефть в Поволжье был обусловлен целым рядом негативных факторов, в первую очередь крайне слабым финансированием проводившихся работ, острой нехваткой продовольствия, кадровым дефицитом и «конкуренцией» старых нефтедобывающих южных районов. Делается вывод, что Волжские нефтеразведки, которыми в 1919–1924 гг. руководил Н.С. Обуховский, стали первой попыткой решить вопрос о наличии волжской нефти на государственном уровне, а имя его руководителя должно войти в плеяду советских нефтяников, сделавших первые шаги на пути к большой нефти Второго Баку.

Ключевые слова: горный инженер; автобиография; нефть; нефтяное месторождение; разведочные работы; Поволжье.

Цитирование. Курятников В.Н., Евдошенко Ю.В. «Нефтеразведки Волжского района должны будут остановиться на полпути» (О горном инженеру Н.С. Обуховском, возглавлявшем их) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 46–59. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-46-59>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Курятников В.Н., Евдошенко Ю.В., 2022

Владимир Николаевич Курятников – доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

Юрий Викторович Евдошенко – кандидат исторических наук, редактор исторической литературы, ЗАО «Изд-во “Нефтяное хозяйство”», 115191, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Тульская, 10, стр. 9, оф. 9303.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.08.2022
Revised: 20.09.2022
Accepted: 28.11.2022

«Oil prospecting of the Volzhsky district shall be stopped halfway» (About the mining engineer N.S. Obukhovsky who has been the head of this prospecting authority)

V.N. Kuryatnikov

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation
E-mail: kurjatnikov_w@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-4415>

Yu.V. Evdoshenko

Publishing House «Neftyanoe khozyaistvo», Moscow, Russian Federation
E-mail: editor3@oil-industry.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6808-216X>

Abstract: The article is devoted to the life and the fate of the unfairly forgotten mining engineer Nikolay Stepanovitch Obukhovsky who has been victim of political repression in 1930-ies and to the disclosure of the activity of the Volga

oil prospecting, Obukhovskiy was the head of this authority in 1919–1924. The loss of the main oil-producing regions in Russia during the Civil War, the combusted fuel crisis had moved to the agenda the search for oil in the other regions, including the Volga region, this area has been oil tested even before the revolution (exploration drilling). As a result, the authority of the Volga oil prospecting was established and the oil prospecting works were started. The goals of the study are to recall the life course of the mining engineer N.S. Obukhovskiy, to discover the main directions of his management of the Volga region oil prospecting and publishing with the main accent onto the Volga region oil. The authors clear and analyze the originality and the main aspects of functioning of oil fields under extreme conditions of the famine, the chronic shortage of finances, material and technical and human resources as well. The article shows the whole number of disadvantages leading to the disruption of geological oil prospecting work in the Volga region, firstly the extremely poor financing of the performed works, abnormal food shortage, under-staffing and the ‘competition’ of the old oil-producing southern regions outperformed the Volga territory at that time. The conclusion that the Volga oil prospecting authority managed by N.S. Obukhovskiy in the period 1919–1924 became the first attempt to decide a question about the availability of the Volga oil nationally and the name of the authority director must be entered into the constellation of the Soviet oil-well experts who have taken the first steps on the way to the big oil of the Second Baku is drawn.

Key words: mining engineer; autobiography; oil; oil field; prospecting works; Volga region.

Citation. Kuryatnikov V.N., Evdoshenko Yu.V. “Oil prospecting of the Volzhsky district shall be stopped halfway” (About the mining engineer N.S. Obukhovskiy who has been the head of this prospecting authority). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 4, pp. 46–59. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-4-46-59>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Kuryatnikov V.N., Evdoshenko Yu.V., 2022

Vladimir N. Kuryatnikov – Doctor of Historical Sciences, associated professor, professor, Department of Sociology, Political Science and National History, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.
Yuri V. Evdoshenko – Candidate of Historical Sciences, editor of historical literature, Publishing House «Neftyanoe khozyaistvo», office 9303, bldg. 9, 10, Bolshaya Tul'skaya Street, Moscow, 115191, Russian Federation.

Введение

В истории нефтяной промышленности России продолжают оставаться белые пятна, которые до настоящего времени не дают возможности в полном объеме и всесторонне показать всю сложность и противоречивость процесса ее становления. Это утверждение касается и Волго-Уральской нефтегазодобывающей провинции. Пример тому – история Волжских нефтеразведок. Их деятельность осуществлялась на территориях бывших Казанской и Самарской губерний в 1919–1924 гг. в драматических условиях Гражданской войны и первых послевоенных лет после ее окончания. Авторы считают, что она не нашла достаточно полного освещения в имеющихся публикациях. На официальном уровне они именовались Волжскими разведками Главного нефтяного комитета (Главко-нефти) ВСНХ.

Их управление возглавлял горный инженер Николай Степанович Обуховский, долгое время не фигурировавший в истории нефтяной промышленности России. Его имя впервые появилось на страницах монографии самарского историка Е.Д. Сафронова [Сафронов 1970, с. 79–80], а затем в публикациях бывшего секретаря Татарского обкома КПСС С.Л. Князева (Князев 1984, с. 81, 83, 85–87, 97–98, 100–102, 105–106; Князев, Гатиятуллин, Абражеев 1993, с. 121, 123, 136, 138, 143, 145–148), который внес наибольший вклад в освещение истории татарской нефти и деятельности Волжских нефтеразведок в целом и их руководителя Николая Степановича Обуховского в частности.

Нефть в Поволжье в 20-е гг. XX века искали, но не нашли. Бессменный руководитель Управления волжских разведок Н.С. Обуховский, как и сотни бывших буржуазных специалистов, был

в 1937 году репрессирован и затем расстрелян. О его жизни и судьбе практически ничего не известно. Не заняли достойного места в истории нефтяной промышленности СССР и Волжские разведки, которыми он руководил. Опыт их деятельности в экстремальных условиях тех лет остался невостребованным и мало освещенным. Недостаточно сведений о людях, трудившихся на них и условиях, в которых на Волжских нефтеразведках протекал производственный процесс. Задача статьи – восполнить эти пробелы (лакуны) из истории нефтяной промышленности России.

Из биографии горного инженера Н.С. Обуховского

Наиболее полные сведения о горном инженере Николае Степановиче Обуховском зафиксированы в автобиографии, написанной им в сентябре 1935 года (Российский государственный архив экономики – РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 9. Д. 3119. Л. 9–9 об.). Дополнением к ней служат анкеты, заполненные при поступлении на работу в различные организации Самарской губернии, а также архивно-уголовное дело (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465) и краткая биографическая справка, опубликованная в Белой книге [Белая книга 1997, с. 225]. В автобиографии зафиксировано, что он – белорус, родился на х. Гринки Свислочской волости Волковысского уезда 24 мая 1885 г. Его отец по происхождению был крестьянином, долгое время работал плотником, но со временем арендовал у местных помещиков довольно большой, 59 десятин (ок. 65 га), участок земли и занялся сельским хозяйством, приобрел дом, 2 лошади, 4 коровы, вероятно, нанимал работников, а потому позднее Н.С. Обуховского чекисты называли «сыном кулака» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 25).

Окончил сельскую школу, затем Белостокское реальное училище. В периоды обучения давал уроки детям немца-ткача, фактически выполняя функции репетитора и наставника. Занятия с ними оплачивались «бесплатной квартирой и столом», что для него было большим подспорьем. После получения аттестата собирался продолжить обучение в военно-морском инженерном училище, куда дважды подавал документы. По формальным признакам, из-за социального происхождения, в поступлении в него ему было отказано (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 35). В 1904 г. он стал студентом горного отделения Варшавского политехнического института, но революционные события 1905 г. парализовали учебный процесс. Следующей строкой его биографии стала работа на шахтах Домбровского угольного бассейна. В 1906 г. он поступил на рудничное отделение Горного института им. Екатерины II в Петербурге и продолжил обучение. О своем становлении инженер писал так: «Не имея руководства и поддержки со стороны семьи и близких, умственно я развивался вне программ – медленно. Читал без системы, что попало. В средней школе ни в каких кружках не участвовал. В высшей [школе] наибольший интерес вызывала у меня Государственная дума и выступления виднейших представителей кадетской и Трудовой партии. С этого времени я стал больше читать и работать над своим развитием. Студентом я интересовался больше всего научными кружками, докладами, а также белорусским национальным движением. В последнем направлении я работал и в Петрограде, и у себя на родине среди крестьян, будя национальное сознание отсталых белорусов» (РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 9. Д. 3119. Л. 9).

Происходя из социальных низов, он вынужден был зарабатывать средства для продолжения образования, давая уроки. Хорошо выручали и платные горные практики, на которые он выезжал в летнее время в Среднюю Азию, на Урал, Кавказ, в Сибирь.

В марте 1913 года, после окончания курса обучения в Санкт-Петербургском Горном институте Императрицы Екатерины II, с дипломом 1-й степени он приехал в г. Самару и поступил на службу в Самаро-Уральское управление земледелия и государственных имуществ. Был назначен заведующим казенными нефтяными землями Уральской области (Центральный государственный архив Самарской области – ЦГАСО. Ф. Р-685. Оп. 4. Д. 45. Л. 2–2 об.). К этому периоду его службы относится пиковое увеличение добычи нефти крупными нефтяными фирмами. На одном из месторождений Эмбенской нефтяной области – «Доссор» – ее добыча с 1911 по 1914 г. возросла в 18 раз. Молодой выпускник Горного института столкнулся с ажиотажем вокруг эмбенской нефти, переросшим в «нефтяную горячку». В Самарское управление государственных имуществ «посыпались прошения на выдачу разрешительных свидетельств

на разведку свыше чем от 500 лиц в количестве 42 000 заявок» [Обуховский 1930, с. 44–45].

Сильные мира сего пытались взять под свой контроль лакомые участки земель под нефтеразведочные работы, не гнушаясь прибегать и к прямому обману государства в лице его представителей, отвечавших за казенные земли. Н.С. Обуховский стоял на страже государственных интересов. Так, на прошение потомственного почетного гражданина г. Самары С.Е. Пермякова от 13 сентября 1913 г. о выдаче ему 52 дозволильных свидетельств на право разведок нефти в урочище Матен Кожа – Май Каракульской волости Лбищенского уезда Уральской области он рекомендовал выдать ему только одно «дозволильное свидетельство на площадь № 45, так как она падает на свободную от заявок местность». В заявлении же, поданном от имени Пермякова, было указано, что он «поставил там 52 заявочных столба», хотя их «там» не имелось (ЦГАСО. Ф. 834. Оп. 50. Д. 45. Л. 1–1 об., 5–5 об., 9–9 об.).

Решать вопросы удовлетворения заявок было проще непосредственно на месте, поэтому Н.С. Обуховский в мае 1913 г. «выехал на Эмбу <...> на нефтяные земли. Приезжал в Самару редко, а в конце 14 года переехал на нефтепромысел Доссор, поступив зав. производством фирмы “Эмба-Каспий” (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 20). В должности заведующего казенными нефтяными землями Уральской области он проработал с марта 1913 г. по 15 января 1915 г., а с 15 февраля 1915 г. по 1 октября 1916 г. возглавлял технический отдел нефтепромышленного общества на Эмбе (ЦГАСО. Ф. Р-685. Оп. 4. Д. 45. Л. 2–2 об.). Трудился в обществе «Эмба-Каспий», которое вело добычу нефти на месторождениях «Доссор» и впоследствии «Магат» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 20). На промыслах в тяжелых условиях полупустыни до февраля 1917 г. им приобретался разносторонний опыт работы в нефтяной промышленности [Нефтяная промышленность... 1915]. Затем не менее полезный опыт руководства нефтяной фирмой: с Февральской революции и до Октября 1917 г. он исполнял обязанности «пом. управляющего нефт. общ-ва» (ЦГАСО. Ф. Р-773. Оп. 6. Д. 49. Л. 6 об.). В период революционных потрясений Н.С. Обуховский выбирался на «разные общественные должности района, в частности был первым председателем Рабочего исполкома промысла «Магат» (Государственный архив РФ – ГАРФ. Ф. 7297. Оп. 9. Д. 3119. Л. 9 об.). В условиях нестабильности и революционных преобразований весной 1918 г. отправился в Москву для заключения нового колдоговора, но вернуться на Эмбенские промыслы не смог – началось Гражданская война. Добравшись осенью до Астрахани, откуда планировал перебраться на промысел «Магат», он застрял – «просидел... до декабря» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 20). По-видимому, будучи арестованным и давая

показания следователю, он ошибся с декабрем, так как по другим документам, связанным с его трудовой деятельностью, «с 1/X-18 по 15/I-19 г.» он работал техническим инспектором труда Астраханского губисполкома (ЦГАСО. Ф. Р-773. Оп. 6. Д. 49. Л. 6 об.). Прибыв в январе 1919 г. в Самару, «где жила жена с детьми, через дней 5–10 пошел на регистрацию инж.-техн. сил в Губсовнархоз» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 20). В условиях военного времени был призван на действительную военную службу («был мобилизован») и состоял в распоряжении Самарского реввоенсовета, с разрешения которого работал в отделе Губстрома Самарского совнархоза. Был назначен заведующим губернским отделом строительных материалов минерального происхождения (губстром) Самарского губсовнархоза. Под его начало перешли национализированные известковые, кирпичные и алебастровые заводы (ЦГАСО. Ф. Р-685. Оп. 4. Д. 45. Л. 2–2 об.).

В стране, воюющей за новый социальный строй, разразились кризисы – продовольственный и топливный. Они стали главными врагами, которые могли уничтожить завоевания Октябрьской революции. Советская Россия была отрезана от южных нефтедобывающих районов. Новая власть стала срочно искать выход из объявшего страну топливного кризиса, привлекая к этому ведущих геологов страны.

Нефть в Поволжье для страны Советов

Вопрос о необходимости поисково-разведочных работ в ряде мест Поволжья, где до революции уже велось разведочное бурение или были известны поверхностные нефтепроявления, был поставлен на обсуждение геологами А.П. Ивановым, Н.Н. Тихоновичем в 1918 г. и в 1919 г. И.М. Губкиным, М.Э. Ноинским и К.П. Калицким.

6 сентября 1919 г. по докладу члена Главконефти и председателя Главсланца И.М. Губкина, который обследовал сланцевые и нефтяные месторождения Поволжья, было принято решение об организации при Главконефти Управления волжскими нефтепромыслами. В конце сентября Президиумом ВСНХ был утвержден намеченный Главконефтью план разведочного бурения, а в начале октября при личной встрече И.М. Губкин получил одобрение на ведение работ в Поволжье у самого председателя СНК РСФСР В.И. Ленина (РГАЭ. Ф. 6880. Оп. 1. Д. 81, Л. 97–97 об., 101, 103 об.).

Начальником создаваемого Управления волжских разведок был назначен горный инженер Н.С. Обуховский. Начинается его официальная деятельность в этой должности с 15 ноября 1919 года (ЦГАСО. Ф. Р-773. Оп. 6. Д. 49. Л. 6 об.). В выданном ему мандате предписывалось «срочно организовать разведочные и буровые работы в Казанской и Самарской губерниях» [Князев, Гатиатуллин, Абражеев 1993, с. 121].

Геологическая задача, поставленная перед ним, сводилась к разведке пермских и более глубоких

карбонных («каменно-угольных») отложений. Среди геологов (К.П. Калицкий, М.Э. Ноинский, И.М. Губкин и другие) во взглядах на ее решение существовал консенсус. Глубокими скважинами около сел Сюкеева Казанской губ. и Старо-Семенкина Самарской губ., а также шурфованием и ручным бурением у деревень Камышлы и Нижняя Кармалка Самарской губ. в разведку вводились четыре площади, где в дореволюционный период уже велись работы.

Статус промыслов: от «милитаризованных» к «ударным»

Одна из главных задач, вставших перед начальником Волжских нефтепромыслов, – поиск рабочих, включая квалифицированные кадры буровиков. Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 27 июня 1919 г. вводило в топливной промышленности страны военное положение. На основе постановления СТО РСФСР от 7 июля 1920 г. нефтепромыслы Волжско-Уральского района были отнесены к категории «милитаризованных». В мандате, выданном заведующему «нефтяными промыслами в Камышлах» А.Я. Тауману, говорилось: «все промысла признаны учреждениями милитаризованными» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 246 об.).

По времени появления Постановления совпало с началом формирования коллективов нефтяников на нефтеразведках Волжского района. Оно происходило военизированными методами. Определяющую роль на начальном этапе играли военные комиссариаты, которые призывали, давали отсрочки или их отменяли в отношении работников, занятых на Волжских промыслах. Считался призванным на военную службу и сам Н.С. Обуховский. Неоднократно военные комиссариаты присылали на нефтепромыслы («откомандировывали») красноармейцев, продлевали сроки отсрочки работающих от призыва в Красную армию. Так, Самарский губернский военный комиссариат на основании резолюции командующего войсками Заволжского военного округа в отношении Самарского районного нефтяного комитета в телеграмме от 8 сентября 1920 г. предложил Бугурусланскому уезвоенкомату «откомандировать в распоряжение инженера Таумана (Камышлы Бугурусланского уезда) 28 человек красноармейцев для буровых работ на нефтяных промыслах» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 42). В другой телеграмме, направленной в «нефтепромысла Сюкеево Каз. г.», в конце октября 1920 г. Москва информировала Н.С. Обуховского о постановлении Совета труда и обороны от 27 октября 1920 г. На его основании продлевался «срок действия постановления СТО от 7/VII о милитаризации предприятий, указанных в этом постановлении до 1/II-21 года» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 16. Л. 55). 17 ноября 1920 г. комиссия по отсрочкам предоставила отсрочку на 3 месяца 129 людям, призванным по мобилизации военнотружущим Камышлинских нефтепромыс-

лов, «подлежащих возвращению на прежнее место службы работ как незаменимых специалистов» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 432–459).

Для оказания помощи промыслам на них привлекалось и местное население. 9 декабря 1920 г. Старо-Соснинский и Байтугановский Волкомтруда получают телеграммы, в которых Бугурусланский уездный комитет по всеобщей трудовой повинности предлагает им мобилизовать в порядке трудовой повинности жителей селений Камышлы, Старо-Семенкина и Ново-Семенкина «в распоряжение Камышлинского нефтяного промысла для перевозки досок, бревен, бочки и др.» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 150, 153). От всех других нарядов, за исключением продовольственных, мобилизованные жители освобождались. Воензированные методы решения стоявших перед промыслами проблем являлись в годы Гражданской войны доминирующими.

В 1921 г. в кадровом составе занятых на промыслах произошли серьезные изменения. В основном составе работающих на промыслах стали преобладать преимущественно местные жители, перестали играть определяющую роль в обеспечении промыслов кадрами рабочих военкоматы, наметился переход к мирной жизни. Об этом свидетельствовало и утверждение Центральной производственной комиссией при ВСНХ РФ в сентябре 1920 г. Волжских нефтепромыслов в качестве ударных предприятий нефтяной промышленности. Оно состоялось в сентябре 1920 г. и подразумевало первоочередное обеспечение и повышенные ставки оплаты труда (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 299). Предполагалось, что предприятия нефтяной промышленности, отнесенные к ударной группе, будут обеспечиваться «в первую очередь топливом, сырьем, освобождением от мобилизации всех 100 % рабслужащих и предоставлением определенного пайка от Наркомпрода» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 16 об.). Отнесение нефтепромыслов Волжского района к ударным предприятиям нефтяной промышленности давало право занятым на них на получение ударного пайка, но не гарантировало их автоматического выделения. В марте 1921 г. его получали работающие на Сюкеевском промысле, но были лишены рабочие Нижне-Кармалского нефтепромысла, также причисленные к ударной группе. В Казань, в Татнаркомпрод, зав. Кармалским нефтепромыслом Н.П. Некрасов шлет телеграмму, в которой просит решить вопрос о выдаче на март 1921 г. ударного пайка «как горнорабочим» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 23. Л. 29). Та же просьба последовала и в апреле. Работающие на промысле в конце концов пайк получили. Он составил 27 ф. муки. Их семьи – по 17 ф., «малолетние» – по 22 ф. «В выдаче мяса, сахара, круп, овощей было отказано» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 23. Л. 6). Стимулов для повышения производительности труда ударный пайк давал мало, но появлялся шанс умереть и выжить в период голода, который охватил Поволжье в 1921–1922 гг.

Производственный процесс

Работы на Волжских нефтепромыслах велись, исходя из тех небольших средств, которые отпускались на них в Москве. В октябре 1919 г. сумма кредита на ведение разведочных и буровых работ в Волжско-Уральском районе составляла 15 миллионов рублей [Князев, Гатиятуллин, Абражеев 1993, с. 124–125]. Учитывая огромную территорию и масштабы геолого-разведочных и буровых работ, его размер был явно недостаточным. Дефицит специалистов, техники, отсутствие необходимой инфраструктуры, материальных средств, экстренное проведение в жизнь намеченных планов поисковых и разведочных работ на нефть и их неоднократная корректировка неизбежно наложили свой отпечаток на их общее состояние.

В центре серьезно подошли к определению мест закладки скважин в Поволжье. К решению данного вопроса были привлечены видные геологи – К.П. Калицкий, М.Э. Ноинский, И.М. Губкин. Существенную роль в этом играл Геолого-разведочный отдел Главконефти.

Определенную помощь в организации геолого-разведочных работ оказывали местные власти. 30 марта 1920 г. на заседании Президиума Самарского губсовнархоза был заслушан доклад Н.С. Обуховского о ходе организации нефтяных промыслов. В нем была дана оценка проведенным работам «в районе Тетюш, Чистополя, Кармалки, Семенкина и Камышлов, оборудовании промыслов и ближайших задачах и видах на будущее». В принятом постановлении говорилось об оказании Обуховскому содействия «в срочных работах по организации промыслов в Бугурусланском уезде в районе Камышлов» (Самарский областной государственный архив социально-политической истории – СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 334. Л. 41).

Оценив состояние скважин, пробуренных в Сюкеево, Камышлах и Н. Кармалке до революции, Обуховский пришел к мысли, что вести разведочное бурение на нефть, используя стволы старого фонда скважин посредством их углубления, нецелесообразно. Необходимо закладывать новые. Его мнение было весомым и при решении вопроса об окончательном «выборе места закладки» скважин в Сюкеево (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 11. Л. 1).

Работы на Камышлинском промысле начались в июне 1920 г., когда «прибыла первая партия рабочих в числе 10 человек и 3 человек стражи». В конце декабря на них было занято 10 служащих и 123 рабочих. В конце 1920 г. закончены 3 скважины мелкого бурения. В Старо-Семенкине шел процесс бурения глубокой скважины № 1. 150 пудов нефти, добытые здесь с перерывами с 1 июля 1920 г. по 1 января 1921 г., вселяли определенную уверенность в правильности места закладки скважины (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–13 об.).

С большими сложностями шла организация нефтепромысла в с. Сюкеево. Не выделялись вовремя бревна, что сдерживало строительство вышек. Местный совнархоз сначала выделил локомобиль

системы Ленца мощностью 110 л. с. для бурения глубокой скважины, но вскоре потребовал его вернуть (РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1894. Л. 50). Оборудование и расходные материалы, следовавшие из Баку, прибыли на промысел с большим запозданием из-за нежелания железнодорожников пропускать их. Потребовался год, чтобы доставить ударный буровой станок нобелевского типа (РГАЭ. Ф. 6880. Оп. 1. Д. 92. Л. 36–36 об.). В описи имущества на промысле за 1921 год значилась «буровая вышка <...> со станком бакинского типа и двигателем американская 12 саж., вновь построенная стоимостью 500 000 руб. без износа» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 4. Л. 28). 4 января 1921 г. в Сюкеево началось бурение первой скважины с проектной глубиной 150 саж. (320 м). Чтобы достичь запланированных показателей, требовалось не менее трех лет. Постепенно все площади были введены в разведку. Н.С. Обуховский работал с максимальной отдачей по 11 часов в сутки. О выходов у него вопрос не стоял.

Обеспечить промыслы тяжелыми буровыми станками, мощными двигателями для их привода, обсадными трубами, штангами для бурения глубоких скважин (от 350–400 до 900–1000 м) в то время, когда от Советской России были отрезаны Баку и Грозный – главные нефтяные центры, – было практически невозможно. Исходили из того, что бурение будет ударно-штанговое. Оно требовало большого количества обсадных труб, штанг, которых в наличии не было.

Н.С. Обуховский, учитывая реальную ситуацию, прибег к переброске на наиболее ответственные участки в села Сюкеево и Старо-Семенкино оставшегося с дореволюционных времен оборудования, инструментов и расходных материалов. 13 марта 1920 г. в Самарский губстром от Обуховского приходит телеграмма. В ней он сообщает, что в Камышлы направлен сотрудник с «поручением убрать материалы вышку... Инструмент переводится (в) Семенкино, где закладывается глубокая буровая» (ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 206. Л. 38).

Учитывая масштабы развернувшейся работы – только на Сюкеевский промысел необходимо было принять до 500 человек, – остро встала проблема привлечения квалифицированных кадров буровиков и рабочих. К ней примыкал не менее сложный вопрос о заведующих нефтепромыслами. Так, заведовать промыслом в с. Камышлах Обуховский просил прислать специалиста из Самары в лице заведующего Горным отделом Самарского губсовнархоза А.В. Богоявленского, но его не пустили. Не прибыл и инженер С.П. Лавровский, ссылаясь на состояние своего здоровья (ЦГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 204. Л. 19–20). Только 14 мая 1920 г. промысел получил своего заведующего (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 65 об.). Им стал выпускник Санкт-Петербургского горного института Арвид Яковлевич Тауман (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 460 об., 461, 474). В его подчинении были два промысла – в Камышлах и Старо-Семенкине,

которые в отчетных документах фигурировали как Камышлинские нефтепромыслы.

Промысел в с. Старо-Семенкине возглавлял студент Екатеринбургского горного института И.А. Бельковский, которого во второй половине мая 1922 г. сменил Н.П. Некрасов (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 73. Л. 9–9 об.), переведенный сюда с Нижне-Кармалевского нефтепромысла. Справиться с работой в условиях «кошмарного голода и безденежья», царивших в 1922 году, новый заведующий не смог, и «в сентябре пришлось опять менять его новым лицом» [Князев, Гатиятуллин, Абражеев 1993, с. 143]. Им стал уроженец г. Тетюшей 1897 г. рождения техник Михаил Николаевич Сперанский. В первых числах октября 1922 г. из-за отсутствия на промыслах нефти и других материалов, «без коих в дальнейшем не может идти углубление буровой № 2, от работ им временно было отстранено 8 человек» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 90; Д. 73. Л. 46). За 1921–1922 гг. операционный год производственная программа по Старо-Семенкинскому промыслу была выполнена всего на 12,3 % (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 100). Последним заведующим промыслом с 15 октября 1923 г. был назначен Анатолий Васильевич Бачин, пришедший на Волжские нефтеразведки весной 1923 г. после демобилизации из армии.

Обстановка на промыслах характеризовалась крайне тяжелыми условиями труда и быта, которые оказывали влияние на выполнение производственных программ, на стабильность коллективов. В годовом отчете о состоянии Камышлинских нефтепромыслов за 1920 г. приведена нелицеприятная картина обстановки, в которой трудился коллектив нефтяников. В нем говорилось: «...работы протекали в весьма тяжелых условиях при общей экономической разрухе во время Гражданской войны. Все время чувствовалось отсутствие специалистов рабочих и простых рабочих, отсутствие инструментов, мастерских и материалов, отсутствие денежных средств, отсутствие подходящих помещений для рабочих и служащих, отсутствие транспортных средств, отсутствие теплой одежды (мороз 30° при ветре), обуви – маленького продовольственного пайка, плохо налаженного почтово-телеграфного сообщения и т. д.» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 2. Л. 13).

На производственном процессе сказались и голодные 1921–1922 гг. в Поволжье. Казанская и Самарская губернии оказались в их эпицентре. Голод напрямую влиял на деятельность коллективов нефтяников Волжских разведок, и надо учитывать, что многие, занятые на промыслах, спасаясь от него, пришли добывать волжскую нефть.

В мае 1921 г. Н. Обуховский получает письмо от зав. промыслом в Нижней Кармалке. В нем сообщалось о бедственном положении с продовольствием и мерах, которые должны «так или иначе успокоить рабочих», которые 15 мая на собрании решили командировать в г. Казань своего представителя в Татнаркомпрод. Зав. промыслом просил

Н.С. Обуховского принять личное участие в решении продовольственного вопроса, написав от своего имени письмо инженеру А.А. Аносову. Он в своем послании также подчеркивал, что «рабочие на промыслах – люди почти все здешние Н. Кармальские и молчали до сего времени только потому, что у них были еще кое-какие крохи, но продовольственные отряды совершенно их разорили» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 23. Л. 16–16 об.). В другом сообщении на имя Н.С. Обуховского он прямо говорит о том, что продовольственный вопрос является главным препятствием на пути продолжения работ на промысле: «Питание недостаточно. <...> Люди сильно ропчут. Пока есть силы, работают. Надо полагать, скоро все бросят» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 44 а. Л. 112–112 об., 113 об.).

Касаясь настроений, циркулирующих на промысле, зав. промыслом приводит слухи о Платонове: «Слышал, что он отсюда хочет бежать. На одном пайке сам, и дети его голодают <...> и в Сюкеево, просит Вас о переводе» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 44 а. Л. 113). Г.П. Платонов – буровой ключник. Поступил на работу на промысел в ноябре 1920 г. При характеристике его семейного положения отмечено: у него «8 едоков» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 44 а. Л. 144].

Не менее трагичной была ситуация на промыслах в Сюкееве. «Из-за сильнейшего голода, когда рабочие в изнеможении падали на работах без сил и наконец в апреле-мае разбрелись совсем» [Князев, Гатиятуллин, Абражеев 1993, с. 143]. Работы в 1922 г. не производились 2,5 месяца на Сюкеевском взвозе, на буровой № 10. Несмотря на голод и простой, задание по бурению скважины было выполнено на 100 %.

Еще сильнее, чем в Сюкееве, указывал Н.С. Обуховский, голод проявил себя в Старо-Семенкине. «В самом деле, – отметил Н.С. Обуховский, – были случаи людоедства и трупоедства, весной с промыслов бежали мастеровые и заведующие» [Князев, Гатиятуллин, Абражеев 1993, с. 143].

И все же вера в наступление лучших времен, в более счастливое будущее не покидала нефтяников даже в голодные годы, давая заряд энергии на работу в тяжелейших условиях. Заведующий Старо-Семенкинским промыслом Н. Некрасов, обращаясь к рабочим, заявлял: «Считаться с голодовкой не приходится, это общее народное бедствие. Будем продуктивно работать – будем сыты, и работу нашу правительство оценит» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 73. Л. 9 об.).

Нормальный производственный процесс осложнялся также и невыплатами заработной платы, усугублявшими бедственное положение людей и дезорганизуящими работу на нефтепромыслах. Бушующая инфляция не прибавляла стимулов для высокоэффективного труда и повышения его производительности. Неотлаженной была система оплаты труда и назначения премий, стимулирующих добавок. Денежная оплата труда,

особенно в годы «военного коммунизма», носила во многом символический характер. Зав. Нижне-Кармальским нефтепромыслом в сообщении Н.С. Обуховскому приводит в сопоставлении сведения о рыночных ценах по курсу и зарплатах, которые получали нефтяники по состоянию на май 1921 г.: «...мука стоит 100–120 тыс. руб. пуд, а заработок сравнительно грошовый – 1000–1200 р. в месяц» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 44 а. Л. 112 об.). Буровой мастер Г.И. Иванов в сводках за март-апрель 1921 г. со Старо-Семенкинского нефтепромысла сообщал о 16 рабочих, которые «не желают работать» и «не желают продолжать работу» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 30. Л. 15).

Вопрос о заработанной плате на протяжении всего существования Волжских нефтеразведок стоял крайне остро и решался зачастую с большим запозданием. В сентябре 1923 г. из Казанского райкома Всероссийского Союза горнорабочих в Москву уходит телеграмма, в которой сообщается: «...рабочие Волжских нефтеразведок третий месяц без жалования <...> Положение тяжелое. Примите срочные меры» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 72).

Зав. Старо-Семенкинским нефтепромыслом А. Бачин в декабре 1923 г. сообщает Обуховскому о невыплате зарплаты рабочим и служащим за три месяца и вынужденной мере по расчету с коллективом керосином. Говоря о себе, подчеркивал, что он, человек семейный, ее ни разу вовремя не получал в течение семи месяцев, «и, если будет продолжаться с выплатой жалования так же в будущем <...> служба во вверенном Вам предприятии будет невозможна» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 107, 107 об.).

В телеграмме рабочих Старо-Семенкинского промысла от 18 сентября 1923 г. по вопросу о невыплате зарплаты, направленной в Москву, Н.С. Обуховский обвинялся в халатном отношении к нуждам промысла. На нее ответили зам. начальника ГГУ, начальник отдела нефтяной промышленности И.М. Губкин и зам. начальника Геологического бюро Маевский. Снимая с него серьезные обвинения, они сообщили, что в течение трех месяцев Обуховский слал многочисленные телеграммы «о необходимости отпуска денег для расплаты с рабочими и служащими», но они были отпущены с большим запозданием (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 102). Москва объясняла задержку перечисления средств реорганизацией структур ГУТа (финансового органа, снабжавшего нефтеразведчиков деньгами) и финансовыми затруднениями в основных нефтедобывающих районах страны. «В силу изложенного, – говорилось в сообщении, – Геологическое бюро считает недопустимым определять без достаточных оснований отношение Начпрома к нуждам промысла как халатное и предлагает об изложенном объявить рабочим, пославшим телеграмму» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 102).

Положение со средствами в области оплаты труда после объяснения Москвой причин, при-

ведших к их задержке, в последующие два месяца кардинально не изменилось. Телеграммой от 20 ноября 1923 г. Обуховский разрешил зав. промыслом в Старо-Семенкине «для поддержки рабочих <...> продать часть керосина» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 128). Его продажа стала одним из главных каналов расчета с работниками, эквивалентного денежному. Данную операцию он оценивал как незаконную, но к которой приходилось прибегнуть ввиду «исключительных обстоятельств».

В октябре и ноябре 1923 г. Обуховский послал в Москву 16 писем и 5 телеграмм с просьбой отпустить средства. Кроме того, 3 письма «в Союз» (во Всероссийский Союз горнорабочих) и 2 письма с просьбой поддержать Волжские нефтеразведки центром ушли в Москву от уполномоченных Союза горнорабочих из Казани. Ответа ни на письма, ни на телеграммы не последовало, и «в конце ноября он подал заявление об увольнении» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 128).

Борьба за перечисление средств в распоряжение Волжских нефтеразведок шла импульсами, и особых успехов на данном направлении не было. В апреле 1924 г. Н.С. Обуховский сообщил в Геологическое бюро, что «совершенно без средств, без нефтепродуктов, с трехмесячной задолженностью, к тому же без всяких указаний на будущее, работы принуждены будут остановиться, а сотрудники вновь разбегутся, как было уже не раз при продолжительной задержке в средствах» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 117. Л. 4 об.).

Чтобы уложиться в смету расходов, Н.С. Обуховский упор делал на интенсификацию производственной деятельности, повышение трудовой дисциплины, всемерную экономию средств. 12 июля 1923 г. зав. нефтепромыслом в Старо-Семенкине получил от Обуховского указания («ввиду крайней урезки средств Центром») в срочном порядке пересмотреть и урезать штаты сотрудников, в т. ч. число конторских служащих, оставшихся перегруппировать, «чтобы каждый <...> работал полной нагрузкой», установить строгий контроль за прогулами и опозданиями, усилить режим сторожайшей экономии (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 136. Л. 66–66 об.).

С 6 января 1923 г. разведочные работы в Сюкееве на глубине 826 футов были приостановлены. Часть рабочих была уволена, часть переведена в Семенкино. Об этом Н.С. Обуховский сообщал в отчете о работе на нефтеразведках Волжского района за 1922 г. Указание из Москвы о полном прекращении работ на Сюкеевском месторождении последовало 14 июля 1923 г. Решение о ликвидации Сюкеевской скважины как разведочной большинством голосов поддержало и Межведомственное совещание, состоявшееся 27 июля.

Основные работы с этого времени переместились на скважину № 2, бурившуюся в Старо-Семенкине.

В январе 1924 г., когда был ясно обозначен курс на завершение работ на Волжских нефтеразведках на основании телеграфного распоряжения Н.С. Обуховского от 13.01.24, углубление скважины № 2 в Старо-Семенкине было приостановлено. 31 января рабочие промысла стали требовать выплаты зарплаты, которую не получали четыре месяца. Только благодаря проведенному общему собранию и полученной из Союза горнорабочих телеграмме о восстановлении работ коллектив нефтепромысла с 1 февраля продолжил деятельность. Несмотря на возобновление работы, большинство после получения задержанной зарплаты было намерено с нефтепромысла уволиться. Как писал А. Бачин, «грозят уходом со службы» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 117. Л. 1). Обстановка на Старо-Семенкинском нефтепромысле с каждым днем становилась все более накаленной. Начпром докладывал Обуховскому о финансовых проблемах, которые для дальнейшего существования нефтепромысла по значимости выходили на первое место, оттесняя на задний план производственный процесс. А. Бачин сообщал об «ужаснейшем положении», в котором находилось управление нефтеразведок: «Нет средств даже на марки, чтобы послать куда-нибудь простое письмо» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 117. Л. 1 об.).

Преодолевая огромные трудности, в том числе финансового характера, бурение скважины № 2 в Старо-Семенкине продолжалось. Н.С. Обуховский в докладе Геологическому бюро уверенно констатировал, что скважина в ближайшем времени достигнет каменноугольных отложений. «Смена и характер пород дают возможность заключить, что мы весьма близки к каменноугольным отложениям» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 117. Л. 4). За апрель было пройдено 28 фут, и общая глубина скважины составила 667 фут 6 дм.

Курс – на ликвидацию

После взятия Красной армией весной 1920 г. Грозного и Баку настрой на продуктивную работу на Волжских нефтеразведках стал ослабевать. Дальнейшее продолжение работ на них после освобождения основных нефтедобывающих районов страны стало проблематичным. Старые нефтедобывающие районы были более перспективными в деле восстановления и наращивания добычи нефти меньшими средствами и с более высокой степенью вероятности. Новые, еще не разведанные районы, к которым относился и Волжский, не могли с ними конкурировать. Проверенные временем Бакинские и Грозненские промыслы были более надежным вариантом, несмотря на их близость к южным границам страны.

Экономическое состояние страны позволяло выделять крайне ограниченные средства на деятельность Волжских нефтеразведок. Открытие богатых запасов нефти в Казанской и Самарской губерниях отодвигалось на неопределенное время и не подкреплялось реальными результатами

проводившихся здесь работ. Это привело к обсуждению вопроса о целесообразности дальнейшего существования Волжских нефтеразведок.

В феврале 1921 г. специальная комиссия ЦК РКП(б) представила в Политбюро ЦК партии, а также в Совет труда и обороны ряд отчетов и докладов о положении нефтяной промышленности страны. В них содержались практические предложения по подъему нефтяного хозяйства. В докладной записке И.М. Губкина «О положении дела в нефтяных районах республики» делался упор на восстановление работы Бакинских и Грозненских промыслов – увеличение числа эксплуатируемых скважин и широкое развитие бурения новых скважин [Сафронов 1970, с. 129–130]. 14 февраля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о восстановлении и дальнейшем развитии нефтяной промышленности. На первом месте в нем значились Баку и Грозный, которым уделялось главное внимание.

В июне 1921 г. Н.С. Обуховский уже располагал сведениями о замыслах Главного нефтяного комитета о дальнейшем существовании Волжских разведок. В приказе и объявлении от 18 июня 1921 г. Н.С. Обуховский сообщал о решении Главного нефтяного комитета о ликвидации работ «на нефтяных промыслах Волжского района» из-за недостатка «продовольствия, материалов и денежных знаков», о направлении освобождающихся рабочих и служащих на нефтяные промыслы в Баку и Грозный. Всем, кто оставался на промыслах, говорилось в приказе «никаких гарантий в продовольствии и работе не дается. <...> Я ничего обещать не могу» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 23. Л. 23, 24).

К 30 июня 1921 г. относится первая попытка прекращения деятельности Волжских нефтеразведок. После заслушивания доклада Н.С. Обуховского горными органами РСФСР было принято решение «о выработке плана работ в Волжском районе». В результате остановились на варианте постепенной ликвидации работ на нефтепромыслах.

Вопрос о буровых работах в Поволжье был включен в повестку работы I Всероссийского съезда нефтеработников (31 дек. 1921 г. – 10 янв. 1922 г.). Съезд прислушался к рекомендациям К.П. Калицкого и в принятой резолюции зафиксировал решение о продолжении бурения «разведочной скважины в Сюкееве до верхов верхнего карбона и о временном приостановлении бурения скважины в Старо-Семенкине» [Князев, Гатиятуллин, Абражеев 1993, с. 138–139].

В центральных органах страны сложилось вполне определенное мнение о необходимости прекращения нефтеразведочных работ на Волжских нефтеразведках. В 1922 г. курс на их свертывание был продолжен. Он подкреплялся отношением к ведущимся работам как малозначимым со стороны местных хозяйственных органов. Так, отрицательно оценивались перспективы нефтеразведочных работ Татарским управлением горного надзора.

Главное управление по топливу (ГУТ) ВСНХ после рассмотрения результатов работ нефтеразведок по стране приняло решение о прекращении деятельности Волжских нефтеразведок. Мнения ее руководителя Н.С. Обуховского и профессора Казанского университета М.Э. Ноинского, курировавшего наблюдения за геологической частью работ, игнорировались.

Н.С. Обуховский, специалист высокого класса, опираясь на опыт практических работ на промыслах Урало-Поволжья, настойчиво и упорно выступал против Волжских нефтеразведок, считая, что «достигнутая скважинами глубина не решает первоначально поставленной задачи разведки, останавливаясь на полпути к цели» (цит. по: [Князев 1984, с. 98]).

Дальнейшее свертывание работ на Волжских нефтеразведках шло на протяжении 1922–1924 гг. Слабая надежда на их продолжение была, но она не подкреплялась из Центра. В плане работ к смете расходов по разведочным промыслам Волжско-Нефтяного района на 1922–1923 год Н.С. Обуховский наметил последовательность завершения работ и сокращения штатов (ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 20. Д. 327. Л. 5 об.).

14 июля 1923 г. он получил по линии Управления нефтяной промышленности ГУТа распоряжение, которым предусматривались полное прекращение работ и ликвидация Сюкеевской нефтеразведки. Основную причину появления такого документа Обуховский видел в исчерпании и недостатке средств на ведение работ. Состоявшееся затем 27 июля 1923 г. межведомственное совещание, обсудившее вопрос о дальнейших нефтеразведочных работах, поддержало это решение: буровые работы прекратить и ликвидировать Сюкеевскую скважину как разведочную.

С 6 января 1923 г. разведочные работы в Сюкееве на глубине 826 футов были приостановлены. Основные работы с этого времени связаны со скважиной № 2, бурившейся в Старо-Семенкине. Ее планировалось довести с 30 саж. до 120 саж., то есть до каменноугольных отложений, и выяснить вопрос, связанный «с изучением области распространения битумов в Поволжье» (ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 20. Д. 327. Л. 19.)

Бурение скважины № 2 в Старо-Семенкине продолжалось. В докладе Геологическому бюро Н.С. Обуховский сообщал, что скважина в ближайшем времени достигнет каменноугольных отложений. В связи с этим он ставил перед Советом нефтяной промышленности вопрос о «дальнейшей судьбе нефтеразведок на Волге», который должен быть решен «в самом спешном порядке», и предлагал рассмотреть два варианта – продолжение разведочных работ и их прекращение (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 117. Л. 4). Обосновываются им и наиболее рациональные пути нефтеразведок Волжского района, которые в конечном счете и были приняты Москвой.

Наступившая весна стала последней в истории Волжских нефтеразведок. 2 мая 1924 г. горный директорат ВСНХ принял постановление о полном окончании работ; основной мотив – не геологические распри Калицкого и Губкина, а «недостаточность средств и отсутствие возможности получить таковые в будущем» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 105. Л. 14). На заседании Президиума Казанского райкома Всероссийского союза горнорабочих от 30 мая 1924 г. было рассмотрено «отношение от 27/V-24 г. Начпрома Волжских нефтеразведок т. Обуховского о ликвидации разведок согласно постановлению Директората». Главные причины прекращения их деятельности, как следовало из его сообщения, заключались в отсутствии средств «на дальнейшие изыскания на Волге» и в выполнении намеченной программы работ, которая не завершилась открытием «жидкой нефти в промышленном количестве» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 105. Л. 14). Управление Волжских нефтеразведок должно было прекратить деятельность с 1 июня 1924 г. В принятом, по сообщению Н.С. Обуховского, постановлении говорилось: «Ликвидацию Волжских нефтеразведок при создавшемся положении считать своевременной <...> Ввиду недостаточности средств и отсутствия возможности получить таковые в будущем – приурочить расчет к 1 июня с. г.» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 105. Л. 14). Он, стоявший у истоков Волжских нефтеразведок, создавая, укрепляя и руководя ими в неимоверно тяжелое время, теперь должен был заниматься их ликвидацией, расставаться с делами и людьми, ставшими частью его жизни.

В последнем приказе от 15 июня 1924 г. за подписью Н.С. Обуховского – уполномоченного по ликвидации нефтеразведок Волжского района, – говорилось: «С 15/VI.24 г. Управление Волжских нефтеразведок считать ликвидированным и всех сотрудников уволенными от службы» (ЦГАСО. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 105. Л. 16). 7 августа 1924 г. Н.С. Обуховский доложил И.М. Губкину о полной ликвидации Управления волжских разведок (РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 594. Л. 11, 143).

Общим результатом работ стало бурение двух «глубоких скважин» – на 120 с. в Сюкееве и на 100 с. в Старо-Семенкине, но самую глубокую скважину, на 350–400 с., так и не заложили. Сожалея о закрытии работ, Н.С. Обуховский писал: «Таким образом, из-за недостатка средств нефтеразведки Волжского района должны будут остановиться на полпути, не решив целиком поставленных перед ними вопросов» (цит. по.: [Князев 1984, с. 98]).

Нефть есть. Нефтеразведки в Волжском районе необходимо продолжить

В личном деле инженера Н.С. Обуховского главный период его жизни, когда он был сначала начальником нефтепромыслового управления Волжского района, а в дальнейшем – начальником нефтеразведок Волжского района, значится с 15 но-

ября 1919 г. по 1 сентября 1924 г. (ЦГАСО. Ф. Р-773. Оп. 6. Д. 49. Л. 6 об.).

Бывший руководитель Волжских нефтеразведок с осени 1924 остался без работы. Был принят до конца года на временную работу в Самарское губземуправление на должность гидротехника. «В августе, – покажет он на допросе в УНКВД по Куйбышевской области от 28 декабря 1937 г., – я получил первую работу в Губзу гидротехника в Кинель-Черкасский район на общественные работы по постройке плотин. Эта работа была временной и 1/1-25 кончилась. Я опять начал поиск службы. Мне посоветовали зайти в Губстрой по заготовке стройматериалов» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 20 об.). В Самарском губернском отделе он был принят на должность инженера по 13-му разряду. С апреля 1925 г. Н.С. Обуховский введен в состав Ревизионной комиссии Самарского губсовнархоза и стал ее членом. Следующая должность – технический директор Жигулевской группы известковых заводов. Ее он занимал с 1926 по 1928 г. (ГАРФ. Ф. 7297. Оп. 9, Л. 9 об.; ЦГАСО. Ф. Р-773. Оп. 6. Д. 49. Л. 6 об.). Его карьерный рост по служебной лестнице продолжался и в последующие годы, когда он в 1928–1931 гг. становится главным инженером и заместителем главного инженера Среднотреста. По совместительству с 1930 г. он вел ряд курсов в техникуме стройматериалов и в молодых, только что созданных самарских вузах – строительном, химико-технологическом, путей сообщения. Преподавал разнообразные дисциплины: горное дело, инженерную геологию, технологию стройматериалов, петрографию.

Принадлежность к контрреволюционной группировке инженерно-технических работников при Самарском отделении Всесоюзной ассоциации инженеров (ВАИ), выявленная органами госбезопасности, прервала его карьерный рост (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 30). Входили в нее, как было выявлено на следствии, около 100 человек. Это были «старые инженеры», занимавшие в прошлом ответственные технические должности, «потерявшие с революцией свое привилегированное положение». «Возглавлял» ее Борис Людвигович Сурвилло – крупный специалист в области теплотехники не только в Самаре, но и в СССР. В контрреволюционную группу также входили: Константин Владимирович Поляков – горный инженер, организатор Средне-Волжского геолого-разведочного треста, в последующем – основатель нефтяного факультета в Куйбышевском индустриальном институте (КИИ); Вячеслав Вячеславович Жуковский – бывший зав. Губтопом, уполномоченный по топливу; Богоявленский К.В. – зав. Горстроем и др. Н.С. Обуховский «был привлечен» в организацию в 1925 г. В политической области деятельность Самарского отделения ВАИ, как об этом заявлял на допросе сам Николай Степанович, была направлена на «активное вредительство и противодействие раз-

виту хозяйства и промышленности в целях ускорения падения существующего режима или изменения политики Советской власти» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 8).

В заключении по архивно-следственному делу № 465068 по обвинению Н.С. Обуховского от 28 мая 1956 г. установлено, что на допросе от 16 мая 1931 г. в отношении принадлежности к деятельности в этой организации «он дал общие, неконкретные показания о том, что наряду с антисоветскими высказываниями якобы проводили вредительскую деятельность на предприятиях и учреждениях, где они работали. В частности, сам ОБУХОВСКИЙ якобы провел ряд вредительских мероприятий в области планирования строительства новых предприятий стройматериалов» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 2). Обвинение Обуховского и ряда других лиц, проходивших по этому делу 29 января 1931 г., было прекращено «за недоказанностью».

После освобождения поступил на работу в производственный отдел Средне-Волжского крайсовнархоза. Выполняя обязанности инженера, совмещал основную деятельность с работой в Волжском комплексном научно-исследовательском институте сооружений и материалов (ВИСМ) и Центральной научно-исследовательской лаборатории стройтреста № 21, являясь старшим научным сотрудником. Его профессионализм был оценен, и с 4 сентября 1931 г. по 19 ноября того же года и затем с 1 марта 1933 г. по 8 декабря 1937 г., вплоть до нового ареста, он исполнял обязанности зам. директора по научной части (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 58).

В этот период активно участвовал в геологических исследованиях и поисково-разведочных работах в Поволжье по линии Средне-Волжского геологического треста. За хорошую работу и высокие показатели в научной работе, «успешный ход выполнения тематики» он неоднократно премировался. В 1937 г. без защиты диссертации ему была присвоена ученая степень кандидата технических наук. При его непосредственном участии проводились обширные исследования Алексеевского серного месторождения в Кинельском районе (1932–1935 гг.) Средне-Волжского края на «голубой гипс», серу, ангидрит, горючий газ; поисково-разведочные работы доломитовой муки в окрестностях с. Жигули Куйбышевского района (1935) и др. [Курятников, Евдошенко 2022, с. 127].

Тема «волжской» нефти на протяжении последующих лет жизни не переставала волновать его. Он обращался к ней в многочисленных публикациях, вновь и вновь привлекая внимание местных органов власти и общестественности к этому злободневному вопросу. Средне-Волжский край страдал от отсутствия своей собственной топливной и энергетической базы. Единственным топливно-энергетическим ресурсом, который был известен, были месторождения сланцев, но они еще не были вовлечены в активную фазу разработки и по

всем основным параметрам проигрывали нефти. Нефть была привозная – бакинская и грозненская, а уголь – донецкий. В топливном балансе удельный вес древесины превышал 50 %. Это перечеркивало перспективы индустриального развития края.

Первая программная статья о нефти была опубликована им в 1925 году в «Вестнике Среднего Поволжья». В ней он представил обзор нефтяных месторождений региона и предлагал обратить на их изучение «серьезное внимание». Сделал выводы по поводу неудач поисков нефти, которые, с его точки зрения, потерпели неудачу из-за нехватки «финансов и технического оборудования». Веря в то, что промышленная нефть в Волжском районе есть, он с горечью писал, что две глубокие скважины – одна в Самарской губернии, а другая – в Татарской республике, отстоящих друг от друга на «на 300 верст <...>, не могут безусловно решать судьбу всего района в 50 тыс. квадр. верст» Предлагал открыть район для иностранных концессий и тем самым компенсировать отрицательные результаты по поискам нефти в Поволжье [Обуховский 1925, с. 24].

Его публикации по нефтяной тематике, наряду с другими материалами сотрудников бывшего Управления волжских разведок, использовал старший директор нефтяной промышленности Главгортопа ВСНХ СССР И.Н. Стрижов. Благодаря его усилиям Поволжье в 1928 году вновь вошло в планы геолого-разведочных работ на нефть [Евдошенко 2022].

Н.С. Обуховский как знаток Поволжья был приглашен на Всесоюзное геологическое совещание, выступая на котором «предложил использовать для исследований “свои” старые скважины в Камышлах и Старо-Семенкине, углубив их до нужной глубины. Ссылаясь на известное распоряжение И.В. Сталина о бурении 50 глубоких скважин в районе Верхне-Чусовских городков, он предложил часть из них пробурить в районе своих прежних работ и на Самарской Луке» [Курятников 2022, с. 127].

Как эксперт, он привлекался при обсуждении наиболее рационального пути прокладки трассы Эмбенского нефтепровода до устья «р. Самарки в 4 килм. от ж. д. ст. Кряж» [Обуховский 1930, с. 49]. Анализировал он и ряд других значимых проектов. В том числе останавливался на недостатках, допущенных трестом «Востокнефть» и краевыми организациями в 1931–1934 гг. при проведении разведочных работ на нефть. Он с сарказмом отмечал, что у них «интерес вспыхивает случайно, как только запахнет нефтью; в тяжелых условиях о разведках все забывают и поворачиваются спиной» [Обуховский 1934 а, с. 4, 1934 б].

Нахождение в 1935 г. «бурого угля» в поселке Садки Теремилевского сельсовета Бугурусланского района, который после исследований, проведенных в лаборатории Куйбышевского института сооружений, оказался битумом нефтяного проис-

хождения, позволило ему сделать далеко идущие выводы: «...это месторождение связывает в одно целое открытую глубоким бурением нефть на Самарской Луке с Ишимбаевым <...> подчеркивает огромные возможности в отношении развития нефтяной базы на Востоке, на Западном Урале» [Обуховский 1936, с. 22].

Огромное значение он увидел в открытии в г. Бугуруслане жидкой нефти «на глубине 280 м», о котором узнал из сообщений газет. По-видимому, речь шла о скважине № К-20, которая в апреле 1937 г. начала фонтанировать с глубины 282 м нефтью и водой. «Факт нахождения жидкой нефти, хотя бы в небольшом количестве в районе гор. Бугуруслана, – написал он, – имеет огромное значение для всего пространства от Волги до Уральского хребта. До сих пор известны были в этом районе многочисленные проявления твердых и полужидких битумов, теперь устанавливается новое промежуточное звено между нефтью Сызрани и Ишимбаева» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 35). С большой тревогой он связывал это знаменательное событие с телячьими темпами разведок, «ведущихся 7 лет в Куйбышевской и Оренбургской областях».

Нефтеразведки на Средней Волге, успехи и неудачи, а достаточно часто мало обнадеживающие результаты на пути их продвижения к заветной цели он постоянно держал в поле зрения. Существенную информацию доносил до читателей, выделяя основные проблемы. Считал, что дело, начатое Волжскими нефтеразведками, будет доведено до конца и завершится открытием крупных запасов нефти на Средней Волге. Подчеркивал огромное «значение Средней Волги в деле снабжения центра страны нефтью», которое «неизмеримо выше всех остальных районов <...> что Жигули ближайший нефтеносный район от Москвы» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 45).

Поднимая вопрос о минеральных богатствах Самарского края, ставит на обсуждение вопрос о самарской нефти – «очень древний, сложный и довольно острый». Имея солидный опыт руководства нефтеразведочными работами, делился своим убеждением, что он «остаётся открытым до последнего времени прежде всего ввиду дорогостоящих работ по разведкам и условиям строения Самарского края – глубокое бурение в твердых породах. Все предыдущие попытки оставались незаконченными именно в силу дороговизны разведок» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 36).

Очередной арест

Очередной арест 8 декабря 1937 г. прервал его плодотворную деятельность как специалиста и педагога. В заключении по архивно-следственному делу от 28 мая 1956 г. говорится: «На следствии в 1937 году Обуховскому обвинение не предъявлялось, но, судя по обвинительному за-

ключению, он обвинялся в участии в контрреволюционной организации и в проведении вредительства в системе строительства, то есть в том же преступлении, за что он привлекался к уголовной ответственности в 1931 году. Кроме того, Обуховскому вменялось в вину то, что он в течение ряда лет поддерживал связь с Богоявленским, который был впоследствии разоблачен как агент иностранной разведки» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 2-3).

1 февраля 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР Н.С. Обуховский был приговорен по ст. 58-10 (Контрреволюционная пропаганда или агитация) и 58-11 (Контрреволюционная организационная деятельность) к высшей мере наказания. Расстрелян 22 марта 1938 г. [Белая книга 1997, с. 225]. Место захоронения неизвестно.

За восстановление доброго имени, отмену фальсифицированного приговора и реабилитацию Н.С. Обуховского более четверти века боролась его жена и сыновья. Первая попытка была предпринята в 1939 году, когда на имя прокурора СССР А.Я. Вышинского поступило письмо от пяти сыновей Обуховского, в котором они просили «проверить дело нашего отца со стадии предварительного следствия, а наряду с этим сообщить его местопребывание и разрешить переписку и передачи» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 34). Из письма следовало, что после ареста их отца им ничего не было известно о его судьбе. В комендатуре Куйбышевского УНКВД им предоставили ложные сведения о том, что Н.С. Обуховский был «осужден Особым совещанием НКВД к лишению свободы на десять лет и сослан в дальние северные лагеря без права переписки» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 33). Обращаясь к личности своего отца, они характеризовали его как «безупречного честного человека, беззаветно преданного Партии и Советской власти». Считали его выдающимся специалистом и исследователем. Приводя биографические данные, не забыли упомянуть, что в 1919–1924 гг. он возглавлял нефтеразведки Волжско-Уральского района. «Для нас отец, – с искренней любовью писали они, – всегда был достойным примером советского человека и гражданина. Нас пять братьев, старшему из нас 24 года, младшему 16 лет <...> Мы все готовы в любой момент отдать жизнь за нашу Социалистическую родину, ибо нас так воспитал и учил отец <...> Мы твердо убеждены, что наш отец явился жертвой несправедливости, и это угнетает наше сознание» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 34).

Из материалов архивно-уголовного дела в отношении Н.С. Обуховского видно, что определенные формальные шаги в отношении рассмотрения просьбы сыновей были предприняты. 1 февраля прокурором Куйбышевской области решение, принятое в отношении Н.С. Обуховского, «было опротестовано как необоснованное, и дело возвращено

на дополнительное расследование» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 4). Признавать свои ошибки по данному делу органы внутренних дел не стали. «Заключением УНКВД Куйбышевской области от 2 декабря 1940 г. без проведения каких-либо следственных действий по делу решение об осуждении Обуховского было оставлено в силе» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465. Л. 4).

Вторая попытка по восстановлению справедливости в отношении Н.С. Обуховского была предпринята в 1956 году. 12 января на имя прокурора Куйбышевской области поступило заявление от К.П. Кандалинской. В нем жена Обуховского написала не только о несправедливо осужденном муже, но и о тех, с кем он расстался после ареста, – о себе и сыновьях. То, о чем его сыновья писали в 1940 г.: «...мы все готовы в любой момент отдать жизнь за нашу Социалистическую родину», – они подтвердили на поле брани в Великую Отечественную войну. Из пяти сыновей трое – Владимир, Всеволод и Лев – погибли, защищая Отечество. Сама К.П. Кандалинская 46 лет проработала учительницей начальных классов в школе № 1 г. Куйбышева и за «безупречную работу в 1949 г. награждена орденом Ленина» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465). Именно это, последнее заявление его жены, и стало определяющим в деле реабилитации Н.С. Обуховского 27 июня 1956 года. В справке, которую она получила 4 июля 1956 года, говорилось: «Дело по обвинению Обуховского Николая Степановича, 1885 года рождения, осужденного 1 февраля 1938 года, пересмотрено Президиумом Куйбышевского областного суда 27 июня 1956 года. Постановление от 1 февраля 1938 года в отноше-

нии Обуховского Николая Степановича отменено, и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления» (Управление ФСБ России по Самарской обл. АУД № П-5465).

Заключение

Личность горного инженера Н.С. Обуховского, его руководство Волжскими нефтеразведками на протяжении прошедших десятилетий мало привлекали внимание исследователей, оставались в тени. Волжские нефтеразведки, которыми он руководил в 1919–1924 гг. стали первой попыткой решить вопрос о наличии волжской нефти на государственном уровне. Ее признаки имелись, но сама она все еще скрывалась в земных глубинах. В экстремальных условиях Гражданской войны было положено начало тем нефтеразведочным работам, которые в дальнейшем приведут к открытию одного из важнейших районов Волжско-Уральской нефтегазоносной провинции. Его деятельность показывает, что срыв ГРП на нефть в 1919–1924 гг. произошел из-за элементарной нехватки средств, а не в результате борьбы геологических течений, как было принято считать до сих пор. В середине 1920-х годов он был едва ли не единственным, кто поднял тему возобновления поисков нефти в Поволжье. Его имя должно войти в плеяду советских нефтяников, сделавших первые шаги на пути к большой нефти Второго Баку. Свое почетное место в истории нефтяной промышленности России должны занять и Волжские нефтеразведки, которыми руководил горный инженер Николай Степанович Обуховский, а также пришедшие трудиться на нефтепромыслы люди. Несмотря на голод, отсутствие нормальной оплаты (и просто оплаты) труда, они прокладывали путь к большой волжской нефти.

Библиографический список

- Белая книга 1997 – *Белая книга*. Т. 1. Самара: Самар. Дом печати, 1997. 368 с.
- Евдошенко 2022 – *Евдошенко Ю.В.* «Надо искать нефть по обоим склонам Среднего Урала». О борьбе И.Н. Стрижова за организацию поисков нефти в Урало-Поволжье в 1926–1929 гг. // *Нефтяное хозяйство*. 2022. № 2. С. 124–128. DOI: <http://doi.org/10.24887/0028-2448-2022-2-124-128>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kjyxeh>.
- Князев 1984 – *Князев С.Л.* Нефть Татарии: путь к большому будущему. Казань: Татарское кн. изд-во, 1984. 256 с.
- Князев, Гатиятуллин, Абражеев 1993 – *Князев С.Л., Гатиятуллин Н.С., Абражеев Г.П.* Нефть и газ Республики Татарстан: сб. док., цифр и материалов: в 3 т. Т. 1. Москва: Недра, 1993. 272 с.
- Курятников, Евдошенко 2022 – *Курятников В.Н., Евдошенко Ю.В.* Имена забытых нефтяников: Н.С. Обуховский – начальник Управления волжских разведок Главнефти ВСНХ (1919–1924 гг.) // *Нефтяное хозяйство*. 2022. № 10. С. 124–128. DOI: <http://doi.org/10.24887/0028-2448-2022-10-124-128>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ftbkcp>.
- Нефтяная промышленность... 1915 – *Нефтяная промышленность* Уральской области // *Нефтяное дело*. 1915. № 2. С. 30–31.
- Обуховский 1934 а – *Обуховский Н.С.* Ближайшие задачи нефтеразведок на Средней Волге // *Нефть*. 1934. № 7. С. 4.
- Обуховский 1936 – *Обуховский Н.С.* Новое доказательство нефтеносности Среднего Поволжья // *Нефть*. 1936. № 3. С. 22.
- Обуховский 1930 – *Обуховский Н.* К выбору трассы Эмбенского нефтепровода // *Среднее Поволжье*. 1930. № 1. С. 44–50.
- Обуховский 1934 б – *Обуховский Н.* Недочеты в разведочных работах отдаляют сроки получения нефти // *Нефть*. 1934. № 6. С. 3–4.

Обуховский 1925 – *Обуховский Н.С.* Нефтяные месторождения Средне-Волжского района // Вестник Среднего Поволжья. 1925. № 4. С. 19–24.

Сафронов 1970 – *Сафронов Е.Д.* Становление советской нефтяной промышленности. Москва: Недра, 1970. 248 с.

References

White book 1997 – *White book*. Vol. 1. Samara: «Samar. Dom pečati», 368 p. (In Russ.)

Evdoshenko 2022 – *Evdoshenko Yu.V.* (2022) «We should look for oil on both slopes of the Middle Urals». I.N. Strizhov's struggle for organizing oil prospecting in the Ural-Volga region in the years of 1926–1929. *Oil Industry*, no. 2, pp. 124–128. DOI: <http://doi.org/10.24887/0028-2448-2022-2-124-128>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kjyxeh>. (In Russ.)

Knyazev 1984 – *Knyazev S.L.* (1984) Tatarian oil: way to the big future. Kazan: Tatarskoe kn. izd-vo, 256 p. (In Russ.)

Knyazev, Gatiyatullin, Abrazheev 1993 – *Knyazev S.L., Gatiyatullin N.S., Abrazheev G.P.* (1993) Oil and gas of the Republic of Tatarstan: collected documents, figures and materials: in 3 vols. Vol. 1. Moscow: Nedra, 272 p. (In Russ.)

Kuryatnikov, Evdoshenko 2022 – *Kuryatnikov V.N., Evdoshenko Yu.V.* (2022) Names of forgotten oilmen: N.S. Obukhovsky – head of the Volga Intelligence Directorate of the Glavkoneft Supreme Council of National Economy (1919–1924). *Oil Industry*, no. 10, pp. 124–128. DOI: <http://doi.org/10.24887/0028-2448-2022-10-124-128>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ftbkcp>. (In Russ.)

Oil industry... 1915 – Oil industry of the Ural region. *Neftyanoe delo*, no. 2, pp. 30–31. (In Russ.)

Obukhovsky 1934 a – *Obukhovsky N.S.* (1934) Initial objectives of oil prospecting authorities in the Middle Volga region. *Neft'*, no. 7, p. 4. (In Russ.)

Obukhovsky 1936 – *Obukhovsky N.S.* (1936) The new proof of oil-bearing capacity of the Middle Volga region. *Neft'*, no. 3, p. 22. (In Russ.)

Obukhovsky 1930 – *Obukhovsky N.S.* (1930) About the choice of the way of the Emben oil pipeline. *Srednee Povolzh'e*, no. 1, pp. 44–50. (In Russ.)

Obukhovsky 1934 b – *Obukhovsky N.* (1934) Shortcomings in prospecting works move away the time of the oil receipt. *Neft'*, no. 6, pp. 3–4. (In Russ.)

Obukhovsky 1925 – *Obukhovsky N.S.* (1925) Oil fields of the Middle Volga region. *Vestnik Srednego Povolzh'ya*, no. 4, pp. 19–24. (In Russ.)

Safronov 1970 – *Safronov E.D.* (1970) Formation of the Soviet oil industry. Moscow: Nedra, 248 p. (In Russ.)